
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Изменения демографического состава и структуры народонаселения

Великая Отечественная война закончилась долгожданной Победой, однако ее радость была омрачена огромными жертвами, которые понесли народы Советского Союза в схватке с фашизмом. Военные действия велись на обширной территории и отличались большими масштабами, ожесточенным характером и значительными потерями. 1,9 млн кв. км европейской части СССР, на которой до войны проживало около 45% населения, было временно оккупировано врагом. Людям во время войны приходилось ютиться в немыслимой тесноте, жить в землянках и подсобках, в полуразрушенных домах. Жестокие условия оккупации, фашистский террор, голод привели к массовой гибели гражданского населения. Хозяйство многих районов, оккупированных фашистами и оказавшихся в зоне боевых действий, было сильно подорвано. Захватчики разрушили и сожгли 1710 городов и рабочих поселков, более 70 тыс. сел и деревень, лишив крова 25 млн мирных жителей¹.

Послевоенный период был связан с форсированным восстановлением разрушенного войной хозяйства, что потребовало от населения большого напряжения физических и душевных сил. Промышленные предприятия потеряли миллионы квалифицированных специалистов, ушедших на фронт, многие из которых погибли. Крайне тяжелым было положение сельского хозяйства. Если в канун войны в деревне насчитывалось почти 17 млн мужчин, то к 1945 г. осталось лишь 6,5 млн — чуть более трети от их численности на начало войны², причем немалую их часть составляли люди старшего возраста, подростки или комиссованные по ранению инвалиды войны. Однако и из этих 6,5 млн относительно трудоспособных мужчин на 1 января 1946 г. в колхозах оставались только 1,2 млн человек. Основная тяжесть тяжелого сельскохозяйственного труда легла на плечи женщин и подростков. Мужская сила в первую очередь требовалась городу — на восстановление промышленности, жилищного фонда, городской инфраструктуры.

Демографическое эхо Великой Отечественной войны оказалось тяжелым и затяжным. В полной мере осознать последствия можно, лишь учитывая тот факт, что Россия пережила перед этим трагическим событием Первую мировую и Гражданскую войны, голод 1921 и 1932–1933 гг., массовые репрессии. Многочисленные социально-политические потрясения привели к тому, что в СССР уже к концу 1930-х гг. было нарушено нормальное развитие демографических процессов, а негативное воздействие войны сильно усугубило ситуацию на длительное время.

В результате «демографических ям», связанных с людскими потерями, понесенными в 1914–1921 гг. и в 1930-е гг., население СССР в канун Великой Отечественной войны было гораздо малочисленнее, чем это могло бы быть при благоприятных условиях для его воспроизводства. По подсчетам демографов, прямые людские потери в Великой Отечественной войне составили около 27 млн человек³, включая погибших в результате военных и иных действий противника и из-за повышения уровня смертности как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях. При этом здесь не учтены последствия снижения рождаемости в период войны, рост смертности в первые послевоенные годы и другие косвенные демографические потери. Согласно имеющимся подсчетам, косвенные потери населения СССР за время войны составили 23 млн человек, а по РСФСР этот показатель равен 14 млн⁴.

Огромные человеческие жертвы тяжело отразились на демографическом развитии российского населения. По переписи 1959 г. наибольшие потери наблюдались среди мужчин от 34 до 44 лет, вступивших в войну в возрасте 17–27 лет. Произошло сокращение доли мужчин и в старших возрастных группах. Соотношение полов было нарушено в пользу женщин: в возрастных группах 1919–1923 годов рождения на 100 женщин приходилось только 62,6 мужчины-ровесника, 1924–1928 годов рождения — 83,5⁵. Причем наибольший дисбаланс наблюдался в сельской местности.

Эти изменения возрастно-полового состава населения оказали сильное негативное влияние на семью и демографические процессы на многие десятилетия. После окончания войны в РСФСР наблюдался кратковременный рост числа заключенных браков. Анализ текущей статистики показал, что наибольшее число браков было зарегистрировано в первый послевоенный 1946 г. — 12,3 (на 1 тыс. человек). Это было связано с вступлением в брак лиц, не успевших создать семьи до войны и отложивших устройство своей личной жизни на период после ее окончания. Но уже в 1947 г. на 1 тыс. населения было зарегистрировано 10,4 брака, а в 1948 г. — 10,6.

Число замужних женщин заметно снизилось практически во всех возрастных группах, причем наиболее наибольшее число вдов и незамужних насчитывалось среди женщин, которым в 1941 г. было 17–25 лет. По сравнению с 1940 г. произошло снижение брачного возраста женщин. В 1959 г. большая часть браков заключалась молодыми женщинами в 20–24-летнем возрасте. Значительная часть женщин, чья молодость пришлась на годы войны, при таком количестве молодых невест уже не имела возможности по ее окончании найти супруга. Безбрачие — прямое следствие войны, стало серьезной проблемой.

После окончания войны возросло число разводов. В РСФСР было зафиксировано в 1946 г. 7,9 развода на 1 тыс. зарегистрированных браков, в 1947 г. — 17,5, в 1948 г. — 25,8, в 1949 г. — 34,2, в 1950 г. — 40,7⁶. Постепенное увеличение разводов отчасти было связано и с запоздалым (в связи с вступлением в действие нового законодательства о браке и семье 1944 г.) оформлением разводов, многие из которых фактически произошли до войны. Об этом свидетельствовало повышение числа разводов сразу после войны в средних возрастных группах (30–39 лет), особенно у мужчин с длительной продолжительностью брака (5–20 лет). Возросло число разведенных женщин в средних возрастах, так как в послевоенных условиях им трудно было выйти замуж повторно. В 1950-е гг., когда в брачный возраст вступили поколения 1930–1939 годов рождения, произошло увеличение расторжения браков с продолжительностью от года до шести лет, причем более половины расторгнувших брак находились в возрасте 25–39 лет⁷.

Последствия военных лет обусловили специфику повторных браков. Этому способствовала возросшая активность мужчин, поскольку избыток женского населения давал уверенность в том, что в случае развода мужчина без особых затруднений сможет создать новую семью. В 1950–1954 гг. в СССР на 1 тыс. разведенных или овдовевших через пять лет вступили в повторный брак 552 мужчины и 146 женщин, спустя десять лет — 673 мужчины и 219 женщин, в 1955–1959 гг. соответственно — 544 и 159, 653 и 234⁸. Возникшая ситуация привела к росту продолжительности жизни в браке у мужчин, сокращению — у женщин.

Те же тенденции прослеживались и в РСФСР. Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. показывают преобладание женатых мужчин во всех возрастных группах. Женщины, особенно в возрасте 50 лет и старше, наоборот, часто являлись одиночками или членами неполных семей. В РСФСР в 1959 г. на 1 тыс. населения было 12 одиноких мужчин, а одиноких женщин — 36. Например, в Ивановской области на 1 тыс. человек приходилось 46 женщин-одиночек, в Куйбышевской — 49, в Западной Сибири — 29. Бессемейных женщин на 1 тыс. человек больше всего насчитывалось в Москве — 51 и в Ленинграде — 69. Однако в целом в РСФСР по-прежнему доминировало семейное население: удельный вес семейных пар составлял 95,2%⁹.

Произошло сокращение размеров семьи. В РСФСР в 1959 г. средняя семья насчитывала 3,6 человека, а в 1939 г. — 4,1. Более существенным было уменьшение сельских семей: в 1939 г. они превышали городские семьи на 19%, а в 1959 г. — на 9,9%. Это явление специалисты обычно связывают с «демографическим переходом» к новому типу воспроизводства населения в развитых индустриальных странах, с преобладанием нуклеарной малодетной семьи. Однако в данном случае было бы неверным забывать о последствиях войны: гибель супругов, повышенная смертность детей, преждевременная смерть членов семьи от полученных на фронтах ранений и прочее. В результате в РСФСР наблюдалось увеличение числа семей из двух человек. Такие семьи, как правило, состояли или из бездетной супружеской пары, или чаще всего из супругов, потерявших детей в годы войны. К этой категории относились также неполные семьи с женщинами во главе: семьи вдов или разведенных женщин и так называемые материнские семьи (мать и внебрачный ребенок).

Еще одним последствием войны стало распространение такого явления как безотцовщина. За период с 1945 по 1958 г. в СССР родились 10,6 млн детей, у которых в свидетельстве о рождении отсутствовало указание об отце. Наиболее высокий процент детей, родившихся вне брака (от численности всех новорожденных), отмечался в 1949 г. — 19,6 и в 1950 г. — 19,7. В городах Советского Союза процент внебрачных детей был особенно высоким в 1945 г. — 24,7, в 1949 г. — 22,2, в 1950 г. — 21,5. Большую роль в распространении внебрачных рождений сыграло запрещение в 1936 г. искусственного прекращения беременности (абортов). Неслучайно, отмена этого запрета в 1955 г. способствовала сокращению рождений вне брака. В 1958 г. процент таких рождений составил 12,5¹⁰.

В семьях, где дети не имели отцов, женщины должны были и материально обеспечивать семьи, и поднимать детей, и ухаживать за престарелыми родителями. Это были семьи вдов, в которых отцы погибли на фронте, умерли от ран и контузий, а также семьи разведенных женщин. В наиболее тяжелой ситуации, особенно после ликвидации института фактического брака в июле 1944 г., оказались семьи с детьми, рожденными в незарегистрированном браке, чьи отцы не вернулись с фронта. Таким образом, пострадали дети, родившиеся до войны или в самом ее начале, в считавшейся по тем временам законной, полной семье, при совместном проживании обоих родителей, чьи отцы ушли на фронт и погибли, защищая Отечество. Такие дети вдруг оказались неполноценными по сравнению со сверстниками, чьи родители были расписаны в загсах и сельсоветах.

Вернувшиеся с войны мужчины, состоявшие прежде в фактическом браке, регистрировали семейные отношения, тем самым узаконивая собственных детей. Но погибшие на фронтах такой возможности не имели. Их сыновья и дочери оказались лишены законного происхождения, отцовского имени, пенсии, права на «светлую память». Отношение к таким детям и их матерям со стороны окружающих, включая даже родственников, нередко менялось, становилось отрицательным. Последствиями этого явления нередко были нервно-психические заболевания детей и подростков, алкоголизм, преступность и прочее. Нелегко складывались и судьбы матерей, родивших детей вне брака в годы войны и послевоенное время¹¹, что в условиях дефицита мужчин становилось все более частым явлением. Социальная политика государства, с одной стороны, обеспечивала таких детей государственным пособием и преимущественным правом на содержание в детских учреждениях, с другой — наносила им психическую и моральную травму, вводя в их свидетельствах о рождении прочерк

вместо отцовского имени. Предполагалось, что эта мера укрепит мораль женщины, заставит ее избегать внебрачных связей, однако должного эффекта она не имела.

Тяжелейшим следствием войны было сиротство. Помимо существовавших до войны детских домов создавались новые учреждения: школьные интернаты, колхозные детские дома, специальные детские дома для детей воинов Красной армии и партизан, детские дома для детей иностранцев и прочие. Всего к 1946 г. в СССР существовало 5390 детских домов, в которых содержались 560 тыс. детей, из них в РСФСР — 3700 детских домов разного типа, в которых проживали 375 тыс. детей.

В условиях войны и после ее окончания по инициативе граждан стали возникать общественные организации по шефству над детскими домами. Из детских домов и приемников-распределителей на воспитание в семьи были взяты тысячи детей. Например, к концу войны только жители РСФСР взяли на воспитание в семьи 308 тыс. детей. Президиумом Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 г. был принят специальный указ, в котором отмечалось, что по просьбе усыновителя его фамилия и отчество могут быть присвоены усыновляемому ребенку. Усыновители могли быть вписаны в качестве родителей усыновляемого ребенка в акты о рождении. Однако при усыновлении детей, достигших возраста 10 лет, запрещалось без их согласия присваивать им фамилию и отчества усыновителя, а также записывать усыновителей в качестве родителей. В таких семьях нередко возникали сложные психологические ситуации, если дети узнавали о своем усыновлении. Особенно драматичными становились отношения, когда спустя годы после войны находились биологические родители ребенка или один из них¹².

После Второй мировой войны с ее многомиллионными людскими потерями во многих странах Западной и Центральной Европы и США произошел взрыв компенсаторной рождаемости, который в зарубежной литературе получил название «беби-бум». Некоторые исследователи миграционных процессов склонны оценивать имевшее место после Великой Отечественной войны повышение рождаемости в России как беби-бум, который якобы привел к избытку молодежи на селе, что повлекло за собой ее активную миграцию в города. Теперь можно судить об этом явлении с известной степенью достоверности, поскольку открыты архивные данные текущего учета населения.

На развитие демографических процессов в стране в послевоенное время оказывало влияние несколько важных факторов. Во-первых, экономика была сильно подорвана, страна переживала тяжелый и напряженный восстановительный период, когда приходилось на оккупированных и прифронтовых территориях буквально из пепла возрождать города и села, перестраивать все хозяйство на мирный лад. Во-вторых, после сверхчеловеческого напряжения во время войны люди были истощены физически и морально-психологически. В-третьих, война унесла миллионы человеческих жизней. Особенно велики были потери среди мужского населения. К тому же во время войны и по ее окончании резко ухудшились бытовые условия жизни и питание населения, не хватало медицинского персонала и медикаментов. Наконец, война привела к ухудшению экологической ситуации.

Негативное влияние этих факторов на демографическую ситуацию в стране правительство пыталось смягчить мерами демографической политики. В частности, государством были увеличены пособия на второго ребенка и последующих детей. В больших размерах, чем ранее, стали выплачиваться пособия матерям-одиночкам, оказывалась помощь детям-сиротам и детям-инвалидам, было уделено особое внимание здоровью новорожденных¹³. Однако влияние негативных факторов войны оказалось настолько глубоким, сильным и долговременным, что его нельзя было устранить, а только смягчить.

Безусловно, в СССР, как и в других странах, произошло увеличение рождаемости, но эта тенденция была неоднозначна. Период повышенной компенсаторной рождаемости после войны был очень коротким и фактически прерванным голодом 1947 г. В основном он охватил конец 1940-х — начало 1950-х гг. Следует учесть, что, несмотря на повышение рождаемости в компенсаторный период, она так и не вышла на довоенный уровень. К тому же дети часто рождались на свет с ослабленным здоровьем. Всё это привело к тому, что в нашей стране

не случилось такого активного пополнения населения молодым поколением, какое имело место в странах, переживших беби-бум. В сегодняшней сложной демографической ситуации в России немалую роль играют потери населения в годы Великой Отечественной войны.

Война нанесла значительный урон здоровью населения, повысив показатели смертности и заболеваемости, связанные с недоеданием, физическим и нервным перенапряжением и прочим. Она отрицательно сказалась и на физическом развитии новорожденных вследствие недостаточного питания будущих матерей в военные годы. В Ленинграде, например, в 1941 г. суммарные средние величины веса новорожденных были более чем на 100 граммов ниже по сравнению с 1938–1940 гг. В 1942 г. физическое состояние новорожденных резко ухудшилось. Их средний вес понизился на 600 граммов, средний рост — на 2 см, окружность груди — на 1,5 см, окружность головы — на 1,3 см. У детей, рожденных в Москве в 1943–1944 гг., вес ко времени достижения ими года жизни, в сравнении с показателями 1937 г., был меньше на 650 граммов, а рост — на 1,5 см. В Свердловске наблюдалась та же картина: в 1942 г. вес новорожденных снизился на 200 граммов у мальчиков и на 171 грамм у девочек, рост уменьшился соответственно на 0,71 и 0,74 см¹⁴.

Ухудшилось и физическое развитие дошкольников. Проведенные обследования показали, что рост мальчиков 4–7 лет в 1945 г. был меньше на 4–5 см, чем у детей того же возраста в 1938 г., вес уменьшился на 2 кг у семилетних и на 1 кг у четырехлетних. Аналогичная картина была зафиксирована у школьников. Так, у девочек во время войны наблюдалось отставание роста, особенно в 11 лет, у мальчиков максимальное отставание в физическом развитии падало на возраст 13–14 лет. Вследствие этого подростки в 1945 г. во всех возрастных группах были значительно слабее, чем в 1939 г.

Изучение влияния физического развития новорожденных и детей дошкольного возраста на продолжительность их жизни показало, что дефицит роста, веса, обусловленные тяжелыми материальными условиями жизни в военные и послевоенные годы на протяжении 6–8 лет, остается некомпенсированным в течение последующих 13–15 лет даже при благоприятных условиях. В СССР физическое развитие населения по отдельным возрастным группам нормализовалось только к 1956–1958 гг.¹⁵ Это привело в последующие годы к росту заболеваемости и смертности у поколений людей, переживших войну, особенно в младенческом и детском возрастах. Прекращение роста продолжительности жизни в СССР к началу 1970-х гг., а затем и уменьшение этого показателя во многом объясняются пониженным жизненным потенциалом людей, родившихся в войну и первые послевоенные годы.

По итогам войны резко увеличилось число инвалидов — фронтовиков и гражданских лиц, которые страдали от ранений, увечий и контузий, различных нервно-психических заболеваний. Рост инвалидности также вел к увеличению числа одиноких людей.

Таким образом, война значительно ослабила здоровье не только людей, ее перенесших, но и их потомства, что отразилось в последующие годы на характере заболеваемости, росте смертности, снижении рождаемости населения и потребовало больших затрат на социальное обеспечение. Повышение смертности в послевоенные годы существенно снизило естественный прирост населения. «Демографическое эхо» войны сказывалось на протяжении ряда десятилетий.

Подводя итоги, можно сказать, что война самым непосредственным образом повлияла на сокращение численности населения, уменьшение удельного веса мужчин, увеличение доли пожилых возрастных групп в российском обществе, ухудшила состояние здоровья людей. Она способствовала углублению неблагоприятных демографических тенденций, выражавшихся в медленном выравнивании возрастного-полового состава населения РСФСР, распространению психоневрологических и сердечно-сосудистых заболеваний, изменению структуры инвалидности, а также снижению продолжительности жизни в последующие десятилетия. Вместе с тем она обострила проблему пополнения трудовых ресурсов как в количественном, так и в качественном отношении. С ростом в обществе числа сирот, пожилых одиноких людей, инвалидов увеличилась нагрузка на социальное и медицинское обеспечение населения.

Ущерб здоровью, нанесенный войной, был причиной повышенной смертности и заболеваемости в послевоенное время среди всех групп населения. Но особенно большие потери понесли мужчины, чья молодость пришлась на годы войны и послевоенное время. С 1949 по 1959 г. численность мужчин 1920–1924 годов рождения сократилась на 155 тыс. человек, а 1915–1919 годов рождения — на 177 тыс. человек; численность женщин соответственно — на 200 тыс. и 169 тыс. человек. Это были перспективные в демографическом отношении, трудоспособные группы населения, которые не смогли оставить после себя достаточного потомства, способного восполнить потери войны.

Работа государства и общества по восстановлению хозяйства и ликвидации последствий войны

За военные годы Советский Союз потерял около 30% своего национального богатства. Ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным гражданам (потери от прямого уничтожения и разграбления имущества), составил 679 млрд рублей, в том числе государственным предприятиям и учреждениям — 287 млрд, колхозам — 181 млрд, кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям — 19 млрд, сельским и городским жителям — 192 млрд¹⁶. Фашистские захватчики полностью или частично уничтожили свыше 6 млн зданий, лишив крова около 25 млн человек, разрушили около 32 тыс. промышленных предприятий и 65 тыс. км железнодорожных путей, разорили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинотракторных станций¹⁷. Помимо этого враг вывел из строя в захваченных им районах 62 доменных и 213 мартеновских печей, разрушил 1135 угольных шахт, на которых добывалось ежегодно свыше 100 млн тонн угля, более 3 тыс. нефтяных скважин с ежегодной добычей до 5 млн тонн нефти, электрические станции общей мощностью около 5 млн кВт и многое другое¹⁸.

На территориях СССР, подвергавшихся оккупации, к моменту освобождения удельный вес уцелевших промышленных предприятий составлял 17%, в том числе в освобожденных районах РСФСР — 13%, на Украине — 19%, в Белоруссии — 15%, Молдавии — 49%, в Прибалтийских республиках — 32%¹⁹. Эти цифры сами по себе (особенно по России, Украине и Белоруссии) говорят о чрезвычайно высоких масштабах разрушения народного хозяйства.

Работа по подсчету прямого и косвенного материального ущерба СССР от войны началась сразу после ее окончания. В этом плане стоит выделить изданную в 1947 г. книгу Н. А. Вознесенского об экономике СССР военного периода. В годы войны он занимал должности первого заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя Государственной плановой комиссии при Совете народных комиссаров СССР. В своей книге одну из глав он посвятил анализу издержек и потерь народного хозяйства в результате фашистской агрессии²⁰.

Потери квалифицировались по четырем основным категориям:

1. Прямые потери имущества (основных и оборотных фондов СССР, уничтоженных или похищенных оккупантами);
2. Прямые военные расходы и дополнительные расходы, вызванные войной и перестройкой народного хозяйства;
3. Потери продукции и народного дохода в районах, подвергавшихся оккупации, вследствие прекращения там производства;
4. Уменьшение народного дохода во время и после войны в связи с потерями в людях, вследствие военных операций и в связи с гибелью и истреблением оккупантами части населения СССР²¹.

От успешного и скорейшего осуществления восстановительных работ в годы войны зависело не только увеличение экономических ресурсов сражавшейся страны, но и восстановление народного хозяйства в послевоенный период, дальнейшее упрочение военного и экономического могущества СССР. Проведение восстановительных работ в условиях продолжающейся войны поставило перед государством дополнительные задачи, потребовало больших капиталовложений, изыскания и мобилизации новых материальных и людских ресурсов.

Вопрос скорейшего восстановления экономики имел не только экономический и социальный, но и политический характер. Бывший нарком финансов СССР А. Г. Зверев по этому поводу впоследствии отмечал: «Политбюро ЦК ВКП(б) требовало от Наркомата финансов обеспечить ресурсами восстановительные работы так, чтобы значительную часть их удалось провести еще во время войны. Дело в том, что руководство закономерно беспокоилось, как бы нам не выйти из войны слишком ослабленными. Это могло иметь тяжелые последствия в международном плане»²².

В ходе войны ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли целую серию постановлений, касавшихся проблем восстановления как экономики в целом, так и ее отдельных отраслей и хозяйственных регионов. Ключевым среди них было постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»²³. Это постановление имело программное значение — оно поставило задачу развернуть работу по ликвидации тяжелых последствий оккупации на всей освобожденной от врага территории, подчеркнуло важное военно-хозяйственное и политическое значение восстановительных работ.

Программа работ определялась годовыми государственными планами восстановления и развития народного хозяйства. Задачи восстановления рассматривались также на сессиях Верховного Совета СССР при утверждении государственных бюджетов. Они конкретизировались в постановлениях ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) как по отдельным отраслям индустрии, так и по областям и республикам, освобожденным от вражеской оккупации. Ход восстановительных работ направлялся и регулировался Госпланом СССР и специально созданными органами и наркоматами. В январе 1943 г. коллегия Госплана приняла решение о разработке плана восстановления и развития экономики вновь освобожденных районов. Вскоре в составе Госплана СССР было создано специальное Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах²⁴.

В 1943 г. начал работать Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, которому поручалось руководство восстановительными работами и контроль над выполнением решений правительства, относящихся к этим районам²⁵. При всех наркоматах были организованы специальные комиссии, строительно-восстановительные управления. Госплан СССР, СНК РСФСР, ВЦСПС направили своих уполномоченных в освобожденные области и края. При Наркомате путей сообщения уже с января 1942 г. действовало Главное управление военно-восстановительных работ²⁶. К решению задач восстановления народного хозяйства привлекались органы тыла Красной армии, соединения инженерных и железнодорожных войск, части войск связи и другие воинские формирования. Этими вопросами также занимались военные советы и политуправления всех фронтов²⁷.

Сохранившейся на освобожденных территориях страны рабочей силы не хватало для осуществления программы возрождения, поэтому восстанавливать разрушенное народное хозяйство исключительно за счет местных трудовых ресурсов не представлялось возможным. В этих условиях из тыловых районов СССР в западные регионы страны были направлены квалифицированные специалисты, рабочие кадры (часть их прибыла в порядке реэвакуации). При этом государство старалось распределять рабочие кадры в целом по стране таким образом, чтобы одновременно обеспечивать восстановление индустрии в освобожденных районах и дальнейшее ее развитие в центральных и восточных регионах СССР.

В стране широко развернулось движение шефства над освобожденными районами. Оно зародилось в начале 1942 г. как шефство тыловых районов над отдельными предприятиями и районами Подмосковья и по мере освобождения советской территории от захватчиков переросло в шефство над городами и областями. В этом движении участвовали все союзные и автономные республики, области и края. Например, Казахская ССР шефствовала над 10 городами, 35 районами Орловской области, 12 районами Ленинградской области, тремя районами Сталинградской области и одним районом Калининской области, Азербайджанская ССР — над Ставропольским краем, Узбекская ССР — над Днепропетровской областью и т. д.²⁸

Шефство приобрело характер широкого движения общественности страны за скорейшее возрождение освобожденных районов. В то же время шефское движение являлось, во-первых, весьма разносторонним, включая наряду с производственной (изготовление оборудования и материалов) социально-бытовую, кадровую и идеологическую стороны, и, во-вторых, стабильно целенаправленным и адресным: вся помощь оказывалась постоянному подшефному району. В ряде областей, краев и республик были созданы специальные шефские комитеты или комиссии. Только в РСФСР функционировало 50 шефских комитетов и комиссий: Московская, Кемеровская, Ярославская, Куйбышевская и другие²⁹. Вопросы организации и осуществления шефства над освобожденными районами находились под контролем партийных органов и организаций.

В развертывании шефской помощи освобожденным районам активную роль играли профсоюзы. Так, 19 ноября 1943 г. Секретариат ВЦСПС предложил всем ЦК профсоюзов широко развернуть работу по осуществлению шефства промышленных предприятий над шахтами и заводами Донбасса³⁰. В свою очередь, отраслевые ЦК профсоюзов тоже выступали с соответствующими инициативами.

17 ноября 1943 г. президиум ЦК профсоюза рабочих тяжелого машиностроения одобрил инициативу коллективов ряда машиностроительных заводов о шефстве над восстанавливаемыми предприятиями. Так, Иркутский завод имени В. В. Куйбышева шефствовал над Старокраматорским имени С. Орджоникидзе, Копейский завод горного оборудования — над Горловским, Уралтурбозавод имени С. М. Кирова — над Харьковским турбинным, Чимкентский завод имени М. И. Калинина — над Воронежским имени М. И. Калинина и т. д.³¹

29 ноября 1943 г. президиум ЦК профсоюза рабочих электростанций и коллегия Наркомата электростанций поддержали обращение коллектива Шатурской электростанции имени В. И. Ленина организовать широкую помощь в восстановлении электрических станций и сетей в районах, освобожденных от врага³².

В мае 1943 г. ленинградцы прислали в Сталинград эшелон строительных материалов, электромоторов, телефонной и радиотехнической аппаратуры, изготовленных сверх плана во внеурочное время. «Шлем привет, желаем быстрее восстановить славный Сталинград и сделать его еще более прекрасным», — говорилось в телеграмме ленинградцев, продолжавших вести героическую борьбу с врагом в условиях еще не снятой в то время блокады³³.

Нельзя не отметить вклад комсомола и молодежи в развитие шефства над освобожденными районами. Так, в начале 1943 г. ЦК ВЛКСМ одобрил работу Кировской, Горьковской, Саратовской, Куйбышевской областных комсомольских организаций, комсомольской организации Татарской АССР, которые в числе первых взяли шефство над восстановлением предприятий Сталинграда³⁴. О многосторонности этой помощи свидетельствуют такие данные: комсомольцы Кировской области на воскресниках заготовили и отправили в Сталинград 18 тыс. кубометров строительной древесины, 36 вагонов с различным оборудованием, инструментом и прочим, а 1028 юношей и девушек с путевками комитетов комсомола поехали возрождать город-герой на Волге³⁵. Всего в течение 1943 г. молодые рабочие страны в Фонд восстановления Сталинграда собрали и изготовили 198 тыс. единиц различного оборудования и инструмента, отправили 2100 вагонов лесоматериалов³⁶.

Со всех концов страны в освобожденные районы в нарастающем темпе стали поступать различная техника, оборудование, материалы и многое другое. Свыше 70 заводов Ленинграда

приняли участие в технической оснащённости заводов и шахт. В турбинном зале Донецкого металлургического завода на мемориальной доске есть надпись: «Турбогенератор в 5000 киловатт сделан в Ленинграде в период блокады». 37 промышленных предприятий Москвы оказывали помощь заводам и шахтам Донбасса. Коллективы 57 предприятий различных союзных республик участвовали в восстановлении завода «Запорожсталь»³⁷.

Восстановительные работы нередко были сопряжены с риском для жизни. Оккупанты перед отступлением заложили взрывчатку и заминировали ряд заводов, фабрик, шахт, электростанций и других предприятий. Но советские люди, проявляя в таких условиях в массовом порядке настоящую отвагу, вели восстановительные работы в нарастающем темпе. Так, в Донбассе шахту № 1 «Смолянка» треста «Куйбышевуголь» немцы при отступлении заминировали и, взорвав ствол, наглухо закупорили. Люди, рискуя остаться под завалом, работали круглые сутки и метр за метром расчищали проход в шахту. На третий день доступ в шахту был открыт. Запальщики извлекли оттуда более 300 кг динамита. Работая по пояс в ледяной воде, горняки-добровольцы подняли затопленное оборудование³⁸.

Первая победа в восстановлении разрушенного народного хозяйства была одержана в 1942 г. в освобожденных районах центра России. Подмосковный угольный бассейн — топливная база Центрального промышленного района — стал первой вехой практического решения проблемы восстановления разрушенной индустрии в разгар войны. В постановлении СНК СССР от 29 декабря 1941 г. «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне» ставилась задача — дать в самый короткий срок уголь предприятиям и транспорту Москвы и Московской области³⁹. Восстановление первых 43 шахт началось в исключительно трудных условиях. Стояла суровая зима, мороз доходил до 40 градусов, не хватало оборудования, материалов, инструментов, транспортных средств. На крупной шахте № 26 еще не была закончена откачка воды, и ее уровень достигал 30–40 см, а горняки по собственной инициативе уже спустились под землю и начали расчистку завалов⁴⁰.

Помощь горнякам Подмосковного бассейна оказывали партийные и комсомольские организации Московской, Тульской, Ивановской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Ярославской, Пензенской и других областей. Около 3 тыс. комсомольцев и молодежи этих областей влились в ряды восстановителей бассейна. С предприятий Москвы и Тулы направлялись бригады электриков, токарей и других квалифицированных рабочих. Машиностроители Москвы организовали производство горно-шахтного оборудования и отправили на шахты 400 вагонов этого оборудования, а также инструменты и инвентарь для общепитий; металлургии Урала — сортовое и листовое железо, балки; лесорубы Севера — крепежный и строительный лес. Комсомольские организации промышленных предприятий Москвы и Подмосковья собрали 50 вагонов оборудования, изготовили во внеурочное время 10 компрессоров и 15 электровозов, предназначенных для восстанавливаемых шахт. Шефы помогали организовывать мастерские на шахтах⁴¹.

Первые 22 тонны подмосковного угля шахтеры добыли 11 января 1942 г. Вводились в строй новые горные участки. К концу февраля 1942 г. уголь давали 42 шахты вместо 27 по плану, в среднем в сутки добывалось 7 тыс. тонн. В июне 1942 г. добыча угля составила более двух третей довоенного уровня⁴². Работы велись в атмосфере величайшего трудового энтузиазма. Заслуженной славой за свои трудовые успехи пользовались машинист врубовой машины И. А. Филимонов, женская бригада навалоотбойщиц во главе с О. Г. Софиной и многие другие. Летом 1942 г. состоялся слет стахановцев Мосбасса, участники которого призвали всех шахтеров и строителей ускорить темпы восстановительных работ и добычи угля⁴³.

Во второй половине 1942 г. в Подмосковный бассейн были направлены дополнительные контингенты квалифицированных рабочих, в том числе 6 тыс. эвакуированных рабочих из Донбасса, горняки и инженерно-технические работники, демобилизованные из тыловых частей Красной армии. Усилилась помощь бассейну оборудованием, продовольствием, одеждой. В результате самоотверженного труда шахтеров, общих усилий трудящихся Москвы, Тулы и других городов и областей страны Подмосковный бассейн был восстановлен в относительно короткий срок. Уже в сентябре 1942 г. среднесуточная добыча угля составила

35 тыс. тонн против 34,7 тыс. в июне 1941 г.⁴⁴ За 1942 г. бассейн дал 8,6 млн тонн угля, то есть 11,4% общесоюзной добычи вместо 6% в 1940 г.⁴⁵

После Сталинградской битвы, завершившейся 2 февраля 1943 г., фронт восстановительных работ значительно расширился. Первостепенное значение придавалось организации восстановления промышленных предприятий Сталинграда. В январе 1943 г. пленум Сталинградского обкома ВКП(б) утвердил план первоочередных мероприятий по восстановлению города⁴⁶. ЦК ВКП(б) в феврале 1943 г. провел совещание секретарей обкомов партии областей и республик Поволжья, на котором были рассмотрены практические меры по осуществлению шефства над Сталинградом⁴⁷.

4 апреля 1943 г. ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Сталинграда и Сталинградской области, разрушенного немецкими оккупантами»⁴⁸. В 1943 г. намечалось ввести в действие около 300 тыс. кв. метров производственных площадей. Сталинградские обком и горком партии призвали трудящихся мобилизовать все силы и средства на выполнение поставленной задачи⁴⁹. На помощь сталинградцам пришла вся страна.

19 июля 1943 г. на Сталинградском тракторном заводе снова прозвучал заводской гудок: был пущен кузнечный цех. В семь часов вечера под молот подали первую нагретую поковку, которую отковал ветеран-тракторозаводец орденосец М. И. Яковлев. Почти за один год удалось восстановить все цеха завода: за 22 дня был восстановлен кузнечный цех, за 27 дней — прессово-штамповочный корпус. Шесть раз коллективу Сталинградского тракторостроя вручалось знамя Городского комитета обороны и несколько раз — знамя ГКО⁵⁰. На сталинградском заводе «Красный Октябрь» 31 июля 1943 г. вступил в строй действующих мартеновский цех, и комсомольско-молодежная смена сталеваров дала первую плавку⁵¹. Восстановительные работы в Сталинграде продолжались в нарастающем темпе.

В январе — феврале 1943 г. приступили к восстановительным работам горняки освобожденной восточной части Донбасса, на шахтах Ростовской области и ряда районов Ворошиловградской и Сталинской областей. 22 февраля 1943 г. ГКО принял постановление «О восстановлении угольных шахт Донбасса»⁵², а три дня спустя, 25 февраля, на комбинате «Ростовуголь» были добыты первые тонны угля⁵³. Восстановительные работы велись тогда в прифронтовых условиях, многие шахты ежедневно подвергались артобстрелу, имелись убитые и раненые⁵⁴. Новый этап восстановительных работ начался осенью 1943 г., когда весь Донбасс был освобожден от фашистских захватчиков.

Далеко за пределами Донбасса в 1943—1945 гг. стали известны имена передовых донецких шахтеров С. Рубана, М. Афонина, А. Кеди, М. Пековой, И. Панащатенко, В. Панченко и многих других, прославившихся своими трудовыми достижениями. Был выдвинут призыв: «Одну норму за себя, другую — за товарища, ушедшего на фронт!» Девушки, работавшие на донецких шахтах, начали движение за освоение шахтерских профессий. Массовый характер приняло движение за освоение горняцких профессий. И многие из женщин-шахтеров не только не отставали от мужчин, но и сами показывали образцы высокопроизводительного труда. В марте 1944 г. на комбинате «Ворошиловградуголь» свыше 400 женщин выполняли по полторы-две нормы за смену⁵⁵. Добыча угля на шахтах Донбасса неуклонно возрастала. Если в 1943 г. донецкие шахтеры добыли 4,1 млн тонн угля (4,7% от довоенного уровня), то в 1944 г. — 20,3 млн тонн (соответственно 23,7%)⁵⁶.

Восстанавливались предприятия различных отраслей промышленности повсюду на бывшей оккупированной территории: в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Орле, Брянске, Белгороде, Смоленске, Харькове и других городах. С февраля 1944 г. началось восстановление знаменитого Днепрогэса. С осени 1944 г. восстановительные работы развернулись в Молдавии, республиках Прибалтики, западных областях Украины и Белоруссии.

Важнейшей государственной задачей являлось также восстановление сельского хозяйства, которое в подвергшихся оккупации районах являло, как правило, гнетущую картину опустошения и разорения. По данным Чрезвычайной государственной комиссии, на оккупированной территории было полностью или частично сожжено и разрушено более 70 тыс.

сел и деревень, вывезено в Германию или уничтожено 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, около 4 млн плугов, борон и других почвообрабатывающих машин, 265 тыс. посевных и посадочных машин, 885 тыс. уборочных, сортировочных и других сельскохозяйственных машин. Колхозы почти полностью лишились техники. Плохо обстояло дело и с живой тягловой силой — оккупанты истребили или угнали в Германию более 7 млн лошадей. Сильно пострадала система земледелия, запущенными оказались многие посевные площади: главным образом из-за того, что было уничтожено или вывезено большое количество продовольствия, семян, сельскохозяйственного сырья. Колоссальный урон был нанесен животноводству: истреблено или вывезено в Германию более 17 млн голов крупного рогатого скота, свыше 20 млн свиней, почти 28 млн овец и коз, около 110 млн голов домашней птицы⁵⁷.

Восстановление МТС в освобожденных районах шло довольно быстрыми темпами: в начале 1943 г. их действовало 394, в начале 1944 г. — 1702, на 1 октября 1944 г. — 3080, на начало 1945 г. — 3102 из имевшихся до войны 3150⁵⁸. Успешное возрождение МТС объяснялось исключительной заинтересованностью в этом как государства, так и колхозов. Например, колхозники Ногинского района Московской области выступили инициаторами движения за скоростное восстановление МТС силами колхозов. Таких инициатив было довольно много, и всего в 1945 г. методом народной стройки, при активном и заинтересованном участии колхозов, возводилось и восстанавливалось 400 МТС⁵⁹.

Однако не следует переоценивать эти результаты. В мае 1944 г. газета «Правда» сообщила, что даже там, где МТС восстанавливались быстро, они могли выполнить лишь до 40% основных полевых работ на селе⁶⁰. В большинстве же районов освобожденной территории удельный вес работ МТС был еще ниже⁶¹. Сказывалось то обстоятельство, что оснащенность МТС тракторами, комбайнами и другой техникой еще значительно уступала довоенному уровню. В этих условиях большое значение приобрело использование живой тягловой силы. Однако и лошадей не хватало, к тому же уцелевшие в колхозах и крестьянских хозяйствах лошади часто были ослабленными. В Белоруссии, например, почти 70% уцелевших на селе лошадей были старше 15 лет, крайне истощены и больны, тем не менее норма на одну рабочую лошадь в республике составляла к концу войны 24,5 га в день при 8,2 га в 1940 г.⁶² Кроме того, лошади широко использовались на заготовке леса, вывозе урожая, ремонте дорог и прочих работах.

Наивысшего напряжения трудовой накал достигал во время полевых работ. С полной отдачей трудились женщины, инвалиды войны, подростки, старики, дети. Использовали конную сеялку, жатку, а чаще косы, серпы, цепи, деревянные грабли и волокуши. А там, где имелся трактор или комбайн, работали на них от поломки до поломки, невзирая на время суток⁶³. В условиях дефицита тракторов и лошадей довольно широкое распространение получило использование коров на пахотных работах. Однако корову не так-то просто было научить правильно ходить в упряжке. Бывший главный агроном Бегомльского района Минской области С. К. Соловьёва вспоминала: «Коров в упряжке приучали постепенно. Каждой по мерке старались изготовить хомут, впрягали вначале на 2–3 часа, затем на более длительное время. Помню, как мучились наши колхозницы, пока научили коров слушаться, правильно ходить. Часто бедное животное прямо в упряжке ложилось на борозду, и нужно было немало сил и настойчивости, чтобы заставить такую корову встать»⁶⁴.

Партийные и советские органы развернули разъяснительную работу по поводу этого вынужденного, но крайне необходимого средства восстановления земледелия. В газетах рассказывалось о накопленном уже тыловыми районами опыте применения личных и низкопродуктивных колхозных коров на полевых работах⁶⁵. Областная и районная печать публиковала соответствующие решения местных советских и хозяйственных органов, помещала необходимые рекомендации. В постановлении «О плане сельскохозяйственных работ на 1943 год» ЦК ВКП(б) и СНК СССР предложили правлениям колхозов установить норму выработки при использовании коров на полевых работах в размере трети от норм выработки на лошадях, а колхозникам, работавшим на своих коровах, начислять трудодни в двойном размере и обеспечить коров фуражом⁶⁶.

Во многих освобожденных областях весной 1943, в 1944 и даже 1945 гг. крупный рогатый скот был основной тягловой силой. В Курской области к весеннему севу 1943 г. колхозники подготовили 174 тыс. коров. Только на пахоте и бороновании здесь использовалось от 110 тыс. до 140 тыс. коров, часть из них задействовалась на транспортировке зерна, горючего, воды и других хозяйственных работах. Общая численность рабочих коров в этой области в 1943–1944 гг. в шесть раз превышала количество оставшихся лошадей⁶⁷. В Ростовской области в 1943 г. численность занятых на полевых работах коров более чем в два раза превышала конское поголовье — 80 тыс. рабочих коров при 40 тыс. лошадей⁶⁸. На Кубани при наличии 54 тыс. лошадей только на вывозке зерна осенью 1944 г. использовалось свыше 60 тыс. коров⁶⁹. В Полтавской, Винницкой и Запорожской областях в 1944 г. до 40% всех полевых работ было выполнено на коровах⁷⁰.

Столь же распространенной стала и ручная обработка земли, особенно в малоземельных освобожденных областях РСФСР. Лопатами здесь, как правило, обрабатывали весь приусадебный участок, поднимали целину на косогорах и залежь. В Смоленской области весной 1944 г. женщины-колхозницы вскопали лопатами 45 тыс. га, или девятую часть всей площади колхозных посевов. Весной 1942 г. в 20 освобожденных районах Калининской области лопатами вскопали 30 тыс. га земли. Если на лошадях в колхозе «Пролетарский» было вспахано только 8 га, то лопатами — 33 га⁷¹. Это был поистине титанический труд.

В прифронтовых условиях существенную помощь крестьянам в проведении сева и уборки уцелевшего урожая оказывала армия. Маршал Советского Союза И. С. Конев вспоминал: «Урожай 1943 г. в Харьковской, Полтавской, Днепропетровской и части Кировоградской областей был на редкость богатым. Отступающие гитлеровцы не успели его полностью уничтожить, а население не в силах было убрать. Поэтому по решению Военного совета фронта к уборке урожая были привлечены войска и транспорт тыловых частей и учреждений. Нужно было видеть, с каким горячим энтузиазмом работали на полях наши воины»⁷².

Аналогичную помощь, только на весеннем севе 1944 г., оказывали войска 1-го Украинского фронта (этим фронтом в марте — мае 1944 г. командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков). Помимо участия личного состава воинских подразделений в проведении сева, фронтом для нужд сельского хозяйства было выделено 455 тонн крайне дефицитного горючего. В специальном постановлении Военного совета фронта, подписанном Г. К. Жуковым, говорилось: «Военный совет фронта считает, что это задание не исчерпывает всех возможностей частей и подразделений по оказанию помощи совхозам и колхозам и единоличным крестьянским хозяйствам в проведении весеннего сева, и обязывает военные советы армий и политические отделы изыскать другие источники дополнительной помощи местным органам власти в проведении весеннего сева»⁷³.

Общегосударственной проблемой стала нехватка семян для сельского хозяйства освобожденных районов: всё, что успели, оккупанты вывезли или уничтожили. В 1943 г. в областях Левобережной Украины дефицит семенного фонда яровых культур составил 40–50% потребности к плану сева 1941 г., причем семян бобовых и трав в колхозах практически не было⁷⁴. Отдельные районы почти не имели семян и могли рассчитывать лишь на помощь государства и тыловых районов. В соответствии с указанным выше постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. освобожденным районам выделялось 120 тыс. тонн семян озимых культур, но этой помощи хватало только на пятую часть посевов озимых⁷⁵. Остальное семенное зерно предстояло изыскать на месте. Часть потребности была покрыта за счет колхозного зерна, спрятанного от оккупантов, а также семян из личных запасов колхозников. Нередки были случаи, когда на помощь приходила армия. Так, по решению Военного совета 1-го Украинского фронта в апреле 1944 г. колхозам, совхозам и крестьянам-единоличникам Каменец-Подольской области, испытывавшим острейший дефицит семенного зерна, была выдана для посева 1 тыс. тонн зерна яровых культур из трофейных запасов⁷⁶.

Однако основным источником восполнения дефицита семян стала межколхозная, межрайонная и межобластная взаимопомощь⁷⁷. К весеннему севу 1945 г. ситуация с наличием семенного зерна в бывших оккупированных районах существенно улучшилась. В 1945 г.

удельный вес восстановленной посевной площади по отношению к уровню 1940 г. в освобожденных районах приблизился к соответствующим общесоюзным показателям: в среднем по СССР — 75,6%, при этом на Украине — также 75,6%, в Белоруссии — 73,7%⁷⁸. Эти данные — яркое свидетельство огромных трудовых усилий крестьянства, помощи государства, населения тыловых районов. И хотя до полного восстановления посевных площадей было еще далеко, достигнутые результаты весьма впечатляли.

Сложнее обстояло дело с урожайностью полей, поскольку почти всюду она уступала довоенным показателям. Сказывались истощение и засорение земель за годы оккупации, отсутствие должной агротехники, удобрений, нарушение севооборота, острый дефицит рабочей силы, запущенность семеноводства. К концу войны эти проблемы все более выдвигались на первый план. В 1943 г. многие колхозы Дона были освобождены от обязательных поставок хлеба государству: разрушения усугубила засуха. Тем не менее колхозники Ростовской области, руководствуясь патриотическими побуждениями, сумели изыскать резервы и сдали в 1943 г. в Фонд Красной армии 11,5 млн пудов зерна, 21,6 тыс. тонн картофеля, 134 тыс. литров молока, 8,2 тыс. тонн мяса, 5,7 тыс. тонн шерсти, 37 тыс. тонн сена. Причем около 11 млн пудов хлеба они тогда сдали в Фонд обороны Родины из тех запасов, которые во время оккупации ими были спрятаны от немцев. В урожайном 1944 г. заготовка зерна на Дону возросла в 4,5 раза, составив почти 50 млн пудов⁷⁹. Неуклонно наращивали заготовки зерна и другой сельскохозяйственной продукции сельские труженики других освобожденных областей РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики.

Довольно трудной задачей оказалось возрождение животноводства, особенно общественного. Его восстановление шло за счет реэвакуации колхозного стада, централизованных государственных поставок и помощи восточных регионов страны. Но решающую роль в формировании колхозного животноводства освобожденных областей играла контрактация молодняка у местных колхозников. Так, в 1943 г. общее количество поголовья скота, полученного тогда колхозами освобожденных районов, составило 1723,2 тыс. голов, при этом удельный вес законтрактрованного скота и приобретенного в не подвергавшихся оккупации районах своих же областей составил 48,7%, а в сумме по реэвакуации и закупкам в центральных и восточных регионах СССР — 51,3%⁸⁰.

Несмотря на то что личное хозяйство колхозников и единоличных крестьян было разорено оккупантами, оно сохранилось значительно лучше, чем общественное хозяйство колхозов и совхозов. Даже в Белоруссии, где общественное стадо оказалось практически уничтоженным, 40% колхозных семей сумели спасти часть личного скота⁸¹. Чтобы заинтересовать колхозников в быстрейшем воспроизводстве не только своего, но и колхозного животноводства при том крайне бедном исходном уровне, нужны были дополнительные поощрительные меры. До войны за сданную на колхозную ферму телку кроме денежной оплаты колхознику начисляли до 10 трудодней. Теперь же в дополнение к этому за каждый килограмм живого веса теленка крестьянин получал по 1 кг зерна и по 10 кг грубых кормов, а за контрактацию теленка старше шести месяцев личное хозяйство колхозников вообще освобождалось от мясopоставок — их брал на себя колхоз. В общей сложности в 1943—1945 гг. колхозники освобожденных районов продали для комплектования колхозных животноводческих ферм 4,5 млн голов крупного рогатого скота⁸².

Самый большой прирост поголовья скота приходился на первые месяцы после изгнания оккупантов, когда одновременно действовали все внутренние и внешние каналы поступлений: реэвакуация, помощь государства и тыловых районов, частичное возвращение угнанного оккупантами скота, а также скот, полученный по контрактации и в виде приплода. Например, на Украине за несколько месяцев 1944 г. численность скота со времени освобождения от оккупации возросла в 5—7 раз⁸³. А в 1945 г. темпы прироста уже резко снизились, так как теперь они в основном определялись естественным приплодом, а плохие условия содержания увеличивали падеж и яловость.

В результате общественное животноводство, несмотря на огромный урон, возрождалось довольно быстро. В Курской области с декабря 1943 по конец 1945 г. численность крупного

рогатого скота в колхозах возросла с 82,6 тыс. до 217,1 тыс. голов, в Орловской — с 65,4 тыс. до 100,2 тыс., в Калининской — с 301,4 тыс. до 345,7 тыс., в Ростовской — с 207,4 тыс. до 344,2 тыс., в Краснодарском крае — со 181,5 тыс. до 273,2 тыс. голов. Всего по 16 освобожденным областям и краям РСФСР, включая бывшие в частичной оккупации, колхозное поголовье крупного рогатого скота за то же время увеличилось с 2137,8 тыс. до 2846,7 тыс. голов⁸⁴.

В целом же освобожденные районы становились крупным поставщиком продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Уже в 1944 г. они дали более половины государственных заготовок зерна, свыше трех четвертей сахарной свеклы, четверть скота и птицы, около трети молочных продуктов⁸⁵. И хотя валовая продукция сельского хозяйства по этим районам в 1945 г. составляла только 51% к уровню 1940 г.⁸⁶, это был крупный вклад в пополнение продовольственного фонда страны, в дело общей победы над врагом, особенно с учетом того, что внутренние резервы сельского хозяйства тыловых областей к тому времени были фактически исчерпаны. Сельскохозяйственные достижения уже в военные годы составляли хорошую основу для дальнейшего восстановления хозяйства в послевоенное время.

В ходе войны советский народ, несмотря на огромные трудности, добился восстановления 7,5 тыс. промышленных предприятий, 51,9 тыс. км главных железнодорожных путей, 190 депо, 2734 крупных мостов на территории, подвергавшейся вражеской оккупации⁸⁷. В 1945 г. металлургические предприятия этих территорий производили по сравнению с довоенным уровнем железной руды 20% вместо 1% в 1943 г., чугуна — соответственно 20,5% вместо 2,6%, стали — 15,5% вместо 0,5%, проката — 16% вместо 0,1% в 1943 г.⁸⁸ В первом полугодии 1945 г. восстановленная промышленность дала (к общесоюзному производству): угля — 37,6%, чугуна — 16,9%, стали — 12,8%, проката — 13,7%, электромоторов — 37,2%⁸⁹. В 1945 г. выпускали продукцию 140 полностью или частично восстановленных текстильных предприятий, а также были перевыполнены правительственные задания по восстановлению предприятий пищевой промышленности: вместо запланированных 2075 фактически удалось восстановить 3223 предприятия⁹⁰.

К концу войны был достигнут важный результат в решении сложнейшей технической задачи восстановления Донбасса — в откачке воды из разрушенных шахт. Это позволило на большинстве основных шахт развернуть восстановительные работы и наладить добычу угля. Шахтеры Донбасса в 1945 г. добыли 36,9 млн тонн угля (на 16,6 млн больше, чем в 1944 г.), достигнув 43,1% довоенного уровня угледобычи. Всего за 1943–1945 гг. шахтеры Донбасса дали стране свыше 60 млн тонн угля. В то же время полностью восстановленный Подмосковский бассейн давал угля в два раза больше, чем в 1940 г.⁹¹

Осуществление большого объема восстановительных работ привело к заметным изменениям в промышленном потенциале районов, подвергавшихся оккупации. Однако разрушения и ущерб, причиненные экономике этих районов, были столь велики, что даже большой объем восстановительных работ не дал возможности за столь короткий срок (1–2 года) достичь довоенного уровня промышленного производства. Тем не менее история еще не знала примера одновременного осуществления крупнейших военных наступательных операций и восстановительных работ в столь грандиозных масштабах. Восстановление народного хозяйства в районах СССР, подвергшихся гитлеровской оккупации, по праву можно назвать еще одним великим подвигом советского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 5. М., 1978. С. 254.
- ² *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972. С. 19.
- ³ Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. статей (Материалы конференции, 14–15 марта 1995 г.). СПб., 1995. С. 41–42; Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 132.
- ⁴ Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. статей. С. 131.
- ⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 60–61.
- ⁶ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2231. Л. 2–4; Д. 2643. Л. 149–151; Д. 3169. Л. 5–1; Д. 3806. Л. 2; Оп. 33. Д. 2638. Л. 20.
- ⁷ Там же. Оп. 33. Д. 4529. Л. 136.
- ⁸ Война и общество. 1941–1945. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2004. С. 232–264; Евразия. 1993. № 4. С. 19.
- ⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 427–437, 450.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 3968. Л. 14–15; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. С. 240, 352.
- ¹¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. В 3-х т. Т. 2. 1938–1967. М., 1968. С. 418.
- ¹² Великая Отечественная война, 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 240–241; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. 1938–1967. С. 409.
- ¹³ *Жиромская В. Б.* Некоторые проблемы социального и медицинского обслуживания российского населения после Великой Отечественной войны // *Духовность*. Кн. 8. Общественное здоровье и его место в системе социокультурных ценностей: история и современность. Сергиев Посад, 2005. С. 93–99.
- ¹⁴ *Новосельский С. А.* Демография и статистика. Избранные произведения. М., 1978. С. 250; *Георгиевский А. С., Гаврилов О. К.* Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975. С. 111–112; *Мальшева Р. А.* Физическое развитие детей раннего и дошкольного возраста г. Свердловска. Свердловск, 1959. С. 14; *Курсаков Н. К., Бояршинова Н. П.* Здоровье населения г. Свердловска. Свердловск, 1988. С. 122–123.
- ¹⁵ *Георгиевский А. С., Гаврилов О. К.* Указ. соч. С. 120–121.
- ¹⁶ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. Приложение к еженедельному Статистическому бюллетеню ЦСУ СССР № 41 (540) от 11 ноября 1959 г. М., 1959. С. 53.
- ¹⁷ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 420; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 17.
- ¹⁸ *Рыжков Н. И.* Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. М., 2011. С. 260.
- ¹⁹ Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945 гг. М., 1971. С. 326.
- ²⁰ *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947.
- ²¹ Там же. С. 158.
- ²² *Зверев А. Г.* О некоторых сторонах истории советской финансовой системы // *Вопросы истории*. 1969. № 2. С. 143.

- ²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14-ти т. Т. 6. М., 1971. С. 65–104.
- ²⁴ История советского рабочего класса. В 6-ти т. Т. 3. М., 1984. С. 313.
- ²⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 16-ти т. Т. 3. М., 1968. С. 169.
- ²⁶ *Куманёв Г. А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1963. С. 130–131.
- ²⁷ *Антипенко Н. А.* На главном направлении. М., 1967. С. 134–135.
- ²⁸ Образование СССР — торжество ленинской национальной политики. Л., 1972. С. 33.
- ²⁹ *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 394.
- ³⁰ Профсоюзы СССР. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 3. М., 1963. С. 232–233.
- ³¹ Там же. С. 309–310.
- ³² Там же. С. 310–311.
- ³³ *Чуянов А. С.* На стремнине века: Записки секретаря обкома. М., 1977. С. 268.
- ³⁴ История советского рабочего класса. Т. 3. С. 322.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 191.
- ³⁷ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 22.
- ³⁸ История рабочих Донбасса. В 2-х т. Т. 2. Киев, 1981. С. 76; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 331.
- ³⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 55.
- ⁴⁰ Строители — фронту. М., 1968. С. 148–153.
- ⁴¹ *Приходько Ю. А.* Восстановление индустрии. 1942–1950. М., 1973. С. 36; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 325.
- ⁴² Строители — фронту. С. 156; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 325.
- ⁴³ *Оника Д. Г.* Подмосковная кочегарка. М., 1945. С. 108; *Лебедков А. Д.* Дела и люди Мосбасса. М., 1949. С. 11.
- ⁴⁴ История советского рабочего класса. Т. 3. С. 325.
- ⁴⁵ Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 91.
- ⁴⁶ *Чуянов А. С.* Указ. соч. С. 265.
- ⁴⁷ *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968. С. 357.
- ⁴⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-ти т. Т. 3. М., 1961. С. 610.
- ⁴⁹ *Чуянов А. С.* Указ. соч. С. 267.
- ⁵⁰ Строители — фронту. С. 226.
- ⁵¹ *Чуянов А. С.* Указ. соч. С. 269.
- ⁵² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 95.
- ⁵³ *Приходько Ю. А.* Указ. соч. С. 61–62; История рабочих Донбасса. Т. 2. С. 68, 75; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 328.
- ⁵⁴ История советского рабочего класса. Т. 3. С. 329.
- ⁵⁵ Там же. С. 332.
- ⁵⁶ Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 91.
- ⁵⁷ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. С. 429, 438–439; История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1987. С. 302–303.
- ⁵⁸ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 317–318.
- ⁵⁹ Там же. С. 318.
- ⁶⁰ Правда. 1944. 22 мая.
- ⁶¹ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 337.
- ⁶² *Олехнович Г. И.* Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны. 1941–1945. Минск, 1982. С. 131.

- ⁶³ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 340.
- ⁶⁴ *Олехнович Г. И.* Указ. соч. С. 132.
- ⁶⁵ Правда. 1944. 27 мая; Социалистическое земледелие. 1944. 27 июля.
- ⁶⁶ Партийное строительство. 1943. № 5/6. С. 25.
- ⁶⁷ Правда. 1944. 22 мая; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 436.
- ⁶⁸ *Негодаев В. Ф.* Истоки возрождения. Ростов н/Д, 1979. С. 79.
- ⁶⁹ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 338.
- ⁷⁰ Вопросы истории. 1959. № 6. С. 13.
- ⁷¹ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 338.
- ⁷² *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1981. С. 74.
- ⁷³ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. Киев, 1980. С. 74–75.
- ⁷⁴ Там же. Т. 2. С. 351.
- ⁷⁵ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 339.
- ⁷⁶ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Т. 3. С. 74.
- ⁷⁷ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 339.
- ⁷⁸ Там же. С. 342.
- ⁷⁹ *Негодаев В. Ф.* Указ. соч. С. 112–113.
- ⁸⁰ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 343.
- ⁸¹ *Олехнович Г. И.* Указ. соч. С. 128.
- ⁸² История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 343.
- ⁸³ Там же. С. 344.
- ⁸⁴ Там же. С. 343.
- ⁸⁵ Там же. С. 345.
- ⁸⁶ Страна Советов за 50 лет. Сб. статистических материалов. М., 1967. С. 191; Шаги пятилеток: Развитие экономики СССР. М., 1968. С. 127.
- ⁸⁷ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1976. С. 580; *Куманёв Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1976. С. 396.
- ⁸⁸ *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 238–239.
- ⁸⁹ *Приходько Ю. А.* Указ. соч. С. 132.
- ⁹⁰ История советского рабочего класса. Т. 3. С. 343.
- ⁹¹ Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 91; История рабочих Донбасса. Т. 2. С. 78, 91; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 343.